

 ВРАЖСКАЯ
• РУСЬ •

ВАРЯЖСКАЯ РУСЬ

Варяг

Место для битвы

Князь

Герой

Язычник

Княжья Русь

Государь

Богатырь

Золото старых богов

Доблесть война

Смерти нет

АЛЕКСАНДР
МАЗИН

ВАРЯГ
БОГАТЫРЬ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М13

Мазин, Александр Владимирович.

М13 Варяг. Богатырь / Александр Мазин. — Москва :
Эксмо, 2022. — 384 с. — (Варяжская Русь).

ISBN 978-5-04-168699-4

Стрела, угодившая в позвоночник, лишила Илью Годуна, приемного сына князь-воеводы Серегея, славного будущего. У него отнялись ноги. Одна стрела — и четырнадцатилетний воин превратился в беспомощного калеку. Но Илья не сдался. Он сумел понять: не ноги делают воина воином, а истинный воинский дух, который не сокрушить даже смерти.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168699-4

© Мазин А.В., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

— Дичины набили, девок тож...

— Девок набили? — ухмыльнулся Вальгар Барсучонок, сотник из природных варягов. — Это вы зря. Хошь, научу тебя, Крутояр, как с девками обходиться следует?

Глаза сотника Крутояра недобро сузились:

— Да я...

Артём положил руку ему на плечо, останавливая ссору, показал кивком головы на топчущегося с той стороны стола отрока.

— Чего хотел, Узень? — недовольно проворчал Крутояр, уставившись на своего подначального. — Говори, не мнись, как дев... тьфу, как теля!

Узень, здоровенный хмурый дружинник лет двадцати, пробасил мрачно:

— Не к тебе дело, сотник, князя хочу спросить.

— Спрашивай, — разрешил Артём.

Ему стало любопытно. Узень — дружинник из местных. «Достался» князю вместе с уличским уделом и напры- мою обращался к нему впервые.

— О брате твоём спросить хочу, — буркнул Узень. — Почему он, княже, мое место за столом занял? Обидно это!

— Думаю, он не знал, что это место — твое, — заметил Артём. — Попроси его — и он подвинется.

— А если он не захочет?

Артём бросил взгляд на ту часть, где разместились отроки. Илья устроился на самом «верхнем» краю стола младшей дружины. Ведал он или нет, что занял чужое место, но если и ведал, то это его точно не беспокоило. Уплетал за обе щеки и ничуть не смущался, что раза в полтора мельче своих соседей по столу.

— Не захочет, говоришь? — Артём перевел взгляд на Узня. — Ну так попробуй принудить.

— Но он — твой брат, княже!

— И что? Если это место твое, значит — твое. Ты отрок или девка теремная? Я должен утирать тебе сопли каждый раз, когда тебя обидят? Тогда тебе не за моим столом место, а вон там, — уличский князь кивнул в сторону «женского» стола.

— Значит, можно? — Выражение незаслуженной обиды, только что преобладавшее на квадратном, обрамленном короткой русой бородкой лице Узня сменилось предвкушающе-агрессивным. — Благодарю, княже!

И отрок вразвалочку двинул к скамье, на которой, среди прочих уличских отроков достоинством повыше, угощался от княжких щедрот Илья, Серегеев сын.

— Не зашибет? — поинтересовался княжий сотник Крутояр, провожая взглядом широкую спину отрока Узня.

— Он — мой брат. — Артём усмехнулся. — А моему брату негоже за чужой спиной прятаться. Это его должны уважать, а не меня.

— А он сумеет? — усомнился Крутояр. — Узень-то осерчал. А в гневе он — несдержан, уж я-то знаю.

— Знаешь, — согласился Артём. — Он ведь из твоей сотни. Но Илья — мой брат, — еще раз повторил уличский князь. — Я не стану утирать ему сопли. Да он и не позволит. А Узень осерчал потому, что думает, будто в своем праве.

— А разве — нет? — спросил Крутояр. — Это ведь его место.

— С чего ты взял? — осведомился Лузгай, командир лучшей сотни Артёма, сидевший по правую руку от князя. — Это княжий стол. И места за ним — все как есть княжьи. И мы с тобой тоже княжьи. Станешь спорить?

— Нет, не стану. Но если мой отрок обидит...

— Довольно! — оборвал его Артём. — Да, согласен, Илья против Узня маловат, так и я, Крутояр, росточком не вышел. А кто в этой трапезной против меня устоит?

— Я бы попробовал! — тут же заявил сидевший рядом с Лузгаем хузарин Борх. — Только — конно.

— Попробуешь, — пообещал Артём. — Но не сегодня. И не со мной, а с Ильей. А я погляжу, чему братишку твою и мои родичи прошлым летом обучили. А теперь помолчим. И посмотрим.

Отрок Узень остановился за спиной ничего не подозревающего Ильи и хлопнул парня по плечу.

От увесистого удара Илья покачнулся, расплескав мед, поставил чашу, обернулся...

За княжьем столом не услышали, что именно сказал Илье Узень — в трапезной было довольно шумно. Однако по ухмылочкам соседних Илье грядней и по вмиг закаменевшему лицу Ильи становилось понятно: сказано что-то весьма обидное.

Губы княжьего брата шевельнулись, он взял чашу и протянул ее Узню.

Тот чаши не принял. Выкрикнул что-то, махнул рукой, намереваясь выбить чашу из десницы Ильи... И промахнулся. Зато не промахнулся Илья. Чаша с горячим медом выплеснулась Узню в лицо.

Пока отрок протирал глаза, Илья тоже успел ему что-то сказать. И, надо полагать, не извинение, потому что липкие пальцы уличского отрока едва не вцепились в стриженные кружком пшеничные волосы Ильи. Однако тот не дался — нырнул под стол. Это был единственный способ уклониться, ведь по обе стороны от Ильи сидели

плечистые уличские дружинники, и не подумавшие подвинуться.

Нырнуть под стол — не самый славный путь, но Илья там задержался недолго. Извернулся, проскользнул под скамьей, вынырнул справа от разъяренного Узня и, раньше чем тот успел что-то предпринять, подпер отроку подбородок лезвием его собственного засапожника.

В трапезной к этому мигу уже оборвались все разговоры, а многие дружинники даже повскакивали с мест, чтобы лучше видеть. Так что сказанное Ильей смогли услышать даже в тридцати шагах, за княжеским столом.

— Надо тебе кровь пустить за такие слова! — выкрикнул Илья. — Но ты, не знаю, как тебя звать, — в дружине моего брата, и вежеству тебя учить — его забота! Когда я сам стану князем, то уж постараюсь, чтобы мои отроки были — не тебе чета и крепко помнили, что, оскорбляя моих гостей или родичей, они оскорбляют меня! А уж таких неуклюжих и криворуких, как ты, я даже в дворовые холопы не возьму!

— А ведь он прав, брат твой, — негромко произнес Лузгай. — Гнать надо Узня. Я в отроках лучше б себе горло перерезал, чем такое слушать. А он, вишь, стоит не шелохнется.

— В бою он не трусил! — вступился за дружинника Крутояр.

— Воин, который выбирает, когда ему трусить, а когда храбриться? Ха! — развеселился Борх.

— Нет, Свенельдич, так не бывает, — поддержал хузарина Лузгай. — Ты или хоробр, или раб.

— Илья! — прервал Артём философский спор старшей гриди. — Отпусти его, Илья! И верни нож. А ты, Узень — бегом сюда!

— Крутояр. — Уличный князь повернулся к сотнику. — Это твой человек. Накажи его сам. А потом убери его с моих глаз и с моей земли.

— За что, княже? — не выдержал Узень. — Ты же сам позволил! Я — в своем праве! Против своего слова идешь!

Крутояр, не вставая, метнул кинжал, которым резал мясо. Серебряное навершие рукояти ударило отрока в зубы. И тут же вскочившие гридни схватили Узня, поставили на колени, оттянули голову назад. Кивнет князь — и перережут горло своему выкашливающему кровь и зубное крошево соратнику. Бывшему соратнику, обвинившему батьку-князя в клятвопреступлении.

— Брат! Да ну его! Он же дурачок! Прости! Ну его к лешему!

Артём перевел взгляд на Илью, спросил строго:

— Ты его пожалел, значит, и я — должен?

Илья смутился, а взор уличского князя вновь обратился к провинившемуся дружиннику.

— Мой младший брат юн, — сказал он, — а потому добр. Но ради него буду добрым и я. Тебе, изгой, будет подарено право умереть не овцой, а воином. От клинка того из моих гридней, на кого укажешь. Отпустите его!

Узень поднялся с колен, сплюнул на пол кровавый сгусток. Действительно, дурень. Взял и вдобавок ко всему еще и дом, и тех, кто в нем живет, оскорбил. И сам не понял, что оскорбил, хотя обычаи ведал.

— Пощади меня, кн... мой господин! Отпусти!

Артём скривился, как от кислой ягоды. Узень больше не его человек. Но был им. А значит, он, князь уличский, взял в дружину неподходящего человека. Еще б Узень, аки смерд, снова на колени бухнулся...

— Крутояр, — брезгливо процедил Артём. — Не здесь, во дворе.

Сотник понял. Вытянул из ножен лежавший на лавке меч, кивнул гридням...

И Узень понял, что выбора у него нет, и наконец повел себя как воин.

Меча при нем не было (отрокам на пиру, за столом, — не положено), но на полу лежал Крутояров кинжал. Вот

его-то Узень и подхватил. Шуйцей выхватил из кармашка засапожник и приготовился умереть.

В поединке с сотником у него не было ни малейшей надежды, даже будь у Узня меч, а у Крутояра — засапожник.

Сотник неторопливо обогнул стол и — стремительный выпад, а затем падение тела. Оглушенный «плоским» ударом Узень завалился навзничь.

— Во двор его, — скомандовал Крутояр. — Очухается — пятьдесят плетей и прочь из города!

Беспамятного Узня выволокли из трапезной.

Артём одобрительно кивнул. Настроение его улучшилось. Все же не овцой оказался Узень. Зубки-то показал.

Однако в дружине уличского князя ему уже не было места.

А вот подобранному Артёмом когда-то смердьему сыну Гошке, которого теперь зовут Ильей, — есть. Но служить Илье лучше в Киеве. К бате поближе. И к столу великокнязьему.

— Что смотришь обиженно? — бросил он названному брату. — Это и есть княжья доля: знать, когда надо карать, а когда можно и помиловать. Когда-нибудь и тебе придется.

— Тогда я не хочу быть князем, — мрачно проговорил Илья.

— А кем хочешь? — Артём скрыл улыбку в густых варяжских усах.

— Воином буду, — заявил Илья. — Великим хоробром. Тем, кто славу стяжает, убивая врагов, а не казня своих!

Будь на месте Ильи кто-то из Артёмовой дружины, не избежать бы ему наказания. Но к родне уличский князь был снисходителен. Потому что — любил.

Еще он мог бы напомнить, что наказывает сейчас не он, а Крутояр, и не своего дружинника, а изгоя, но сказал иначе:

— Свои, брат, могут быть опаснее самых страшных врагов. Если вдруг окажутся такими, как этот. Иди и ешь

впрок. Завтра у тебя будет трудный день. В поход пойдете. Вот он, — кивок в сторону Борха, — согласился лично проверить, как тебя научили у его родича Машега.

— О! — Обрадованный Илья моментально забыл об Узне и о неприятных обязанностях князя. — Правда? Вот здорово! В Дикое Поле пойдём? Копченных бить?

— Кого найдем, того и побьем, брат Илья, — пообещал Борх. — Время нынче хорошее — в поле разбойников на всех хватит...

Часть первая
КАЛЕКА

ГЛАВА 1

*Моров. Илья Годун, названный сын князь-
воеводы Сергея*

Илья открыл глаза. Над ним — тот же постылый потолок. И вместо ног — уже привычная пустота.

Сон. Из прошлого. Год назад это было. Будто вечность минула. Вечность — с той поры, как он был человеком. Воином.

Разбудили Илью звуки снаружи. Людей, коней, железа... Большой отряд, копий на тридцать, не меньше.

Батя приехал.

Дверь в комнату распахнулась. Нагнувшись, чтобы не зацепить головой притолоку, в спальню вошел князь-воевода моровский Сергей.

— Здравия, сынок! — пробасил он. — Не ждал?

— Не ждал, батюшка, — проговорил Илья равнодушно.

Даже не пошевелился. Как лежал, так и остался лежать, глядя, как роятся под потолком мухи.

— Ты б хоть привстал, что ли, сын? — с укоризной произнес Духарев.

Илья вздохнул, уперся руками, поднял тулово, прислонился к пахнувшей свежим деревом (дом всего неделю назад как достроили) стене.

— Испей с дороги, господин! — Босая девка, появившаяся из клетки, подала Сергею Ивановичу ковшик с пивом. — Холодненькое, с ледника!

Духарев с удовольствием опростал ковшик, отер усы рушником, ущипнул девку за ягодицу и подмигнул названному сыну.

Илья не отреагировал. Ни на девку, ни на подмигивание. Что ему теперь девки...

— Эх, сынок, сынок... — Духарев присел на жалобно заскрипевшее под его немалым весом ложе рядом с Ильей. — Ты же — воин! Варяг! Пропустил удар — поднимись! И дерись! Ты ж моего рода! Ты жив! Не смей сдаваться!

— А что мне такая жизнь, батюшка... — тусклым голосом пробормотал Илья.

Он устал. Он держался, сколько мог. Он боролся с болью, пока была боль... Теперь боли почти не осталось, и бороться стало не с чем. И не с кем. Он — калека. На всю жизнь. Хочется надеяться, что недолгую.

— Какой я теперь воин, батюшка. Что за воин — без ног?

— А воин — это не ноги, — строго произнес Духарев. — И не руки. Воин — это дух воинский. Вот здесь! — Сергей Иванович чувствительно ткнул кулаком Илью в грудь. — И здесь! — Твердый, как сучок, палец постучал Илью по лбу. — Я — глава рода! Я тебе сказал, мальчишка, встань и иди! Значит, встал и пошел!

— Ты — старший, — согласился Илья. — Но ты не Иисус. Нет у тебя такой власти — расслабленных исцелять.

— Уже хорошо, — похвалил Духарев. — Не забыл, значит, Святое Писание. Ты прав, сын. Исцелить тебя я не могу. А вот помочь — обязательно. — Улыбка приподняла толстые, стального цвета усы воеводы. — Эй, там! Вносите!

Пара отроков, сочувственно косясь на калеку, внесла в комнату странную штуковину: деревянную раму на четырех опорах высотой локтя в три. Внутри рамы болтались ремни, похожие чем-то на корзинку боевой машины для метания камней.

— Ну-ка! — Неожиданно Духарев подхватил Илью, поднял высоко и, рывкнув отрокам: — Примите! — опу-

тил внутрь непонятной штуки. Бесчувственные ноги Ильи повисли между ремней. Еще один ремень, широкий, пошире боевого, Духарев затянул на талии Ильи. — Отлично сел! Точно по мерке! А теперь гляди! — Сергей Иванович взял у отрока и подал Илье еще две непонятные штуковины, похожие на костыли, только не с одной, а с тремя ножками, растопыренными, как паучьи лапки.

— Значит, это — подмышки, вот за эти перекладкины берешься, толкаешься... Ну, чего ждешь? Или руки у тебя тоже отнялись?

Повинуясь не столько собственному желанию, сколько сердитому голосу отца, Илья сделал, что требовалось, и повис на костылях.

— Уже лучше! — похвалил Духарев. — А теперь — иди!

— Как? — не понял Илья.

— А вот так!

И показал.

И у Ильи не сразу, но получилось. «Походил» по комнате туда-сюда, наловчился немного. С непривычки руки и плечи заболели, но на такую ничтожную боль Илье — наплевать. Он даже порадовался ей. Потому что это была хорошая боль. Знакомая.

— Ну давай-ка в сени! — распорядился батя.

Илья неловко запрыгал к двери.

— А теперь на выход!

На крыльце Илья замер. Поддесятка ступенек казались неодолимым препятствием.

Илья глядел на двор, на суету в нем, на дружинников, что расседывали коней. Всё будто незнакомое. Сколько он пролежал? Сколько не смотрел на мир с высоты собственного роста? Месяц? Два? Больше? Осень уже. Вон — листва желтеет...

Вспомнилось прошлое. Вот бы сейчас разбежаться, на коня взлететь...

Илья сцепил зубы, чтоб не расплакаться. Но слезы так и так на глаза навернулись.

Рука легла на плечо. Батюшка угадал мысли:

— Не жалея себя, сын. Стыдно. — Заглянул, наклонившись, в глаза: — Ты — жив, Илья! Вот так! Сцепи зубы и живи, ясно?

— Зачем так жить, батя? — выдохнул Илья. — Что в такой жизни проку?

— В самой жизни прок, сын. Бог тебе жизнь оставил, а это не зря. Сцепи зубы и живи, ясно? Ты — воин! Ты — в роду нашем! Не посрами его! Не дай пожалеть, что сыном тебя назвал! Ног нет, рук нет — зубами вцепись, не отпусти! Верь: и похуже бывало! Сдашься — позор всем нам. Мне, Артёму, Славке. Женам нашим, что у смерти тебя отбили. Глянет на тебя старый Рёрах из-за Кромки — сплюнет и отвернется. Позор ему тебя, сдавшегося, видеть.

— Так уж и сплюнет, — пробормотал Илья. — За Кромкой-то...

— Много ты о Кромке знаешь, юнец? — одернул батюшка. — Слушай, что говорю!

«А ведь знает, — подумал Илья. — Он же — ведун».

Представилось вдруг, как смотрит на него дедка Рёрах, видит, как он, уткнувшись в стенку, лежа жмётся и себя жалеет... Ух и вздрогнул бы он Илью палкой за такое в старые времена...

И тут вспомнилось: а ведь и батя в такой же беде был. Когда его, израненного, с Хортицы привезли. Шевельнуться не мог. Рёрах сказывал: другой бы умер, а батя — удержался. Считай, из-за Кромки его вытянули. Да разве вытянешь того, кто сам не тянется? Зубами, если больше нечем...

Вот и Илья сцепил зубы и толкнулся костылями от крыльца...

Так и грохнулся бы головой вниз, кабы батя не подхватил, не выправил. Ходунцы ударили в землю, заскрипели, но не сломались. Илья тоже заскрипел. Зубами. Потому что боль спину рванула — как в худшие времена. Илья еле крик сдержал, сжался весь... Ну, как не отпустит теперь?

Отпустило.

Батя тоже вздохнул облегченно: угадал, что полегчало.

— Что ж ты так неосторожно, парень? На руки вес принимать надо, понял? И спину упражнять, чтоб сила вернулась. Тебе теперь много силы понадобится. В руках, в спине, в животе, чтоб ноги тебе заменить.

— Я буду, батя, — пообещал Илья. — Буду упражнять. Научи как.

— Да уж научу, — проворчал Сергей Иванович, стараясь не показать, как всё внутри ликует: вытащил парня из депрессии. А ведь и не сложно было. Такому только цель покажи — попрут, не остановишь.

— Давай, не стой. Замерзнешь с непривычки.

И то верно. Илья — в одной рубахе, а лето давно кончилось. В прежние времена Сергей Иванович не побеспокоился бы: закалка у гридней — на высшем уровне. Но нынче такой уверенности нет. Ослабел парнишка.

Дважды повторять не пришлось. Илья толкнулся и запрыгал по двору. Неловко, но энергично.

Ему уступали дорогу, но помочь не пытались. Кто-то здоровался, Илья отвечал не задумываясь.

Духарев шел позади. Илья его не видел, но знал: тут. Если надо, поможет, поддержит. Если надо.

Конюшня.

Внутри — тоже суета. Запах такой знакомый, даже голова закружилась. И...

— Голубь! — Илья прижался щекой. — Голубь...

Как же он мог забыть о друге?

— Он в порядке, — негромко произнес за спиной отец.

Илья и сам видел, что жеребец здоров, силен и ухожен. Это Илья о нем забыл, а отец — нет. Он ничего не забывает, батя.

На глаза навернулись слезы. Нет, он не сдастся. Не опозорит род свой. Никогда.

«Бедный ты мой», — думал Сергей Духарев, глядя на сына, обнимающего коня, на котором ему никогда не скакать. Хотя...

Почему — никогда? Можно же и тут что-то придумать. Такой же каркас вместо седла... Не можно — нужно!

— Пойдем, Илья, — сказал он, кладя руку на согнутую спину Ильи. — Делом займемся. Хватит тебе дохлым червяком валяться. Пора снова стать сильным.

Показать плотникам, что именно требуется, оказалось несложно. А вот придумать полный тренажерный комплекс — это да. Хотя для начала Сергей Иванович ограничился несколькими перекладинами для подтягивания-отжимания и подобием штанги — для жима лежа. Все упражнения Илья мог делать, не вставая с кровати. Еще — ремень, чтобы застегивать поперек бедер: качать пресс и спину. Пока довольно. Об остальном надо будет со Сладой посоветоваться: не повредить бы.

Собрали всё к вечеру. Духарев самолично показал, как подтягиваться, качать пресс, как отжиматься на брусках, закрепленных в углу. К брускам Илью должны были приносить, но это — поначалу. Потом Илья должен был «подходить» к ним сам. С помощью ходунков, разумеется. Ответственным за лечебную физкультуру назначил Яроша. Если сам занят будет, подыщет толкового холопа.

Отдельно Духарев потолковал с девкой, которая делала Илье массаж и помогала во всяких естественных надобностях. Особо наказал следить, чтоб не было потертостей и ссадин на парализованных частях тела. Впрочем, она бы и без указаний Сергея Ивановича обошлась. Слада проинструктировала ее подробнейшим образом и всей необходимой фармакологией снабдила.

ГЛАВА 2

Моров. Илья Годун, безногий воин

Боль — это хорошо. Матушка сказала: «Заболит внизу — Богу свечку поставь, — это он ноги тебе возвращает».

Болели не ноги. Ног по-прежнему не было — видимость одна. Болели плечи, спина, живот. Боль — радовала. «Боль — спутник воина, Годун!» Так Рёрах говорил. И лупил Илью беспощадно. Сейчас у Ильи болело так же, как в прежние времена. Правильно болело. Добрая боль. Она хороша. А раньше боль злая была. Хуже пытки.

Боль — маковый отвар — забытьё — боль — отвар...

Потом просто боль — без спасительного забвенья. Так решила матушка Сладислава. «Нельзя. Привыкнешь — и мак сделает тебя слабым. Терпи!»

Что-что, а терпеть Илья умел. Было бы ради чего.

Теперь — было. Род не посрамить!

Илья принял рушник из рук девки, обтер лицо. Вернув, поймал девкин взгляд: другой, не тот, что пять седмиц назад, когда лежал Илья вложку, не в силах даже малую нужду сам справиться. Другой взгляд. Так на него девки смотрели прежде, до роковой стрелы, обратившей князьего гридня в калеку.

Илья усмехнулся. Зря смотрит. Нет в нем ныне мужской силы.

Но все равно приятно.

Илья вдел руки в ременные петли, подтянулся раз-другой... Ноги по-прежнему висели, будто мертвый груз, но зато всё остальное вновь налилось силой. Настоящей, воинской. Теперь Илья может и лук натянуть, а то и на коня сесть...

Нет, на коня не сможет. Всаднику ноги нужны не меньше, чем пешцу.

Опять ворухнулось в сердце нехорошее... но Илья прогнал. Справился. Вверх! Еще раз — вверх! До хруста в суставах, до доброй боли в мышцах. А когда измученное тело перестает слушаться, надо заставлять его, принуждать. Через добрую боль, через вялость, усталость, слабость. Всё это Илья умел очень хорошо.

Батя приезжал каждую седмицу. Хвалил. Каждый раз придумывал что-то новое. Вот в прошлый раз доску приспособил, чтобы Илья мог по ней в ходунки съехать. Веревки по всей комнате протянул. Теперь Илья способен сам и до стола добраться, и в кресле устроиться. И в другое кресло, которое — по нужде. Кресла тоже батя привез: на скамье ныне Илье сидеть трудно.

Старался батя.

Илья тоже старался. С утра до ночи трудился. Вместо отдыха с Кулибой разговаривал. Полочанина Илье отец дал. Сказал так:

— Сотник Кулиба наместником моим в Морове будет, пока что. Человек верный, и поучиться у него есть чему, и смерды наши у него не забалуют. Хоть пахари, хоть лесовики.

Так что в моровском княжестве пока что Кулиба и заправлял.

Но обо всем Илье рассказывал. Где кто живет, какие деревеньки по реке и в ближних лесах, кто какую дань платить может. Что построили, что построят, что еще строить будут. Батю Кулиба очень хвалил. За толковую щедрость. Вот, к примеру, постоялый двор при пристани построили — уже окупился. И мельница.

Илья потом по памяти записывал. О Морове — словенским письмом. Об упражнениях своих — два раза: платыни и по-ромейски. Писать отец велел. Всё, что за день сделал. Что и сколько. Арабскими цифрами. И каждый день прибавлять понемногу.

Сказал: сам увидишь, сын, как сила растет.

Илья видел. Теперь он может по сто раз подтягиваться без передышки. А чтоб за предел сил выйти, приходится груз пудовый цеплять. С грузом тоже батя придумал. И все упражнения, что Илья сейчас делает, — тоже он. И толкаться, и подтягиваться, и тулово во все стороны гнуть, тянуть, трудить.

Ну, довольно. Илья взялся за перекладину в последний раз, перехватился, завис над доской и медленно сполз прямо в ходунки. Расправил ремни, затянул пояс. Скоро Илья и без доски сможет. Тут главное — одной рукой тело вверх подтянуть, а другой — ноги в ременные петли заправить. У Ильи уже выходит раз-другой на одной руке подтянуться. Так что скоро он сам в ходунки влезать сможет. Илья кликнул девку — чуни меховые обувь. Добрался до стола, записал, что сделано. Девка тем временем покушать собрала. Творог с орехами, зелень, белки яичные. С белками — это батя велел. Они с матушкой на каждый день все трапезы определили. Илья съедал, что велено. И сверх того. Живот требовал.

— Раздеться помоги! — скомандовал Илья девке.

Оставшись в одних лишь исподних портах, Илья двинул во двор. Подцепил крюком, приделанным к костылю, входную дверь, выбрался на крыльцо. Примерившись, толкнулся посильнее и махнул вниз, минуя лестницу. На землю упал не ходунками, а на костыли. Спружинил лихо, будто на ноги пришел. Прав батя, сказавши: руки у Ильи должны быть вместо ног. Должны и будут.

— Княжич!

Ярош. Староста моровский. А еще — военный вождь смердов здешних. Илья Яроша побил в священной роще. Теперь Ярош ему служит.

Спросил, как обычно:

— Не застудишься, княжич?

— Ништо! Поливай!

Могла бы и девка-холопка, да она из ведра поливать будет, а Ярош — могуч. Ему кадушка пятиведерная — не тяжесть.

Ледяная вода обожгла разгоряченное тело.

— Еще!

Хорошо. Батя сам так обливается ежеутренне и сыновей приучил. Еще одна из прежних привычек вернулась. Любо!

Илья огляделся. На подворье жизнь кипела вовсю. Артель присланных батькой из Киева мастеров вешала на железные петли новые ворота. Ворота — тоже из Киева. Настоящие, против осады.

«Будет в Морове не сельцо, а острог, — сказал Илье батя. — И быть тебе здесь — воеводой».

Илья бате не поверил тогда. Воевода — без ног. Смеху-то!

Может, зря не поверил?

Девка подскочила, принялась воду обтирать. Ей-то и в платье шерстяном, в меховой безрукавке зябко, а он — голый да мокрый. Застудится — ей перед княгиней Сладиславой ответ держать.

— Кулиба здесь? — спросил Илья.

— Нет его, — доложил Ярош. — Со вчерашнего. Как уехал, так и не возвращался.

Ярош Кулибу не то чтобы не любил — ревновал к нему. Считал, что он сам должен здесь распоряжаться. Не спорил, но... Не одобрял. Кулиба видел недовольство, но в голову не брал. Кулиба — гридень, да не просто гридень — сотню водил. А Ярош, хоть и бывший вождь военный радимичский, а всё равно смерд. Хоть телом велик и силой изряден, а Кулибе — не соперник.

Илье вспомнилось, как сам он когда-то сошелся с Ярошем в священной роще.

Тогда Илью радимичи врасплох застали. Может, в священной роще дело было, а может, и ведун радимичский Сновид постарался. Драться с радимичами в открытую Илья не рискнул. Не за себя испугался — за коня своего, Голубя. Вдруг побьют его лесовики стрелами, когда за хозяина вступится? И вспомнилось ему тогда вдруг, но к месту, как решают споры лесовики. Брат Артём рассказывал, как они, еще при Святославе Игоревиче, примучили¹ вятичей. По старинному языческому праву. По праву это: если спорили меж собой племена, то чтоб крови зряшной не лить, выставляли безоружных борцов-силачей. Кто победит — того и земля будет.

Вот и бросил Илья радимичам вызов по старинному обычаю. И главный меж ними, Сновид-ведун, вызов принял. И выставил против Ильи Яроша.

— Задавлю! — с ходу пообещал лесовик Илье.

Могуч Ярош. Телом велик. Едва не с батю, князь-воеводу Серегея, ростом. Но батя — варяг. И сила его — воинская, великая. Глянешь на него — и видишь всю славу его. Будто корзно² распахнул за князь-воеводой. Корзно, из перуновых молний сотканное. А Ярош — кто? Охотник-смерд. Ликом космат, силой изряден. Однако быстр оказался — на удивление. Илья против него — как соболь против росомахи. Но это — размером. А по сути Илья — воин. А воина сама земля ввысь подымает.

— Ты, — сказал Илья косматому лесовику, — задавить меня хотел. А сам в землю врос, аки дуб. Ждешь, когда желуди народятся?

— Счас ты у меня по-другому запишишь! — пообещал космач.

У лесовиков-радимичей как: вождь — он не правит. Правят старейшины да волохи. Вождь — воюет. Ярош оказался хорош. Для смерда. Не зря его вождем выбрали.

---

¹ Примучивать (*устар.*) — подчинять себе, покорять.

² Корзно (*стар.*) — богатый плащ, как правило, княжий.

Могуч Ярош, быстр, опасен...

Но подлинного воинского обучения не прошел. А Илью варяги учили. И нурманы. И хузары. Рука у Яроша много сильнее, чем у Ильи была, а побил всё равно Илья. Ему сызмала с теми бороться приходилось, кто вдвое крупней. Нос Ярошу разбил, ногу попортил, а потом и вовсе завалил наземь. Мог бы и убить — пяткой кадык расплющить, но пожалел.

— Моя сила взяла, — сказал Илья побежденному и убрал ногу с Ярошева горла.

Великан поднялся. Глянул свирепо, сверху вниз...

«Может, зря я ему кадык не разбил? — забеспокоился тогда Илья. — Вдруг тут до смерти положено биться?»

И на всякий случай приготовился увернуться, если лесовик попытается его схватить...

Не попытался. Прокосолапил к ведуну своему, Сновиду, который Яроша на бой благословил...

И остался Илья в священной роще один.

Ушли радимичи. Однако право на землю моровскую теперь было — Ильи. Вернее, отцово, потому что он, как и Ярош, был не старшим в роду, а выставленным бойцом. Ну да будь на месте Ильи батя, исход поединка не изменился бы. Пусть батя сед и изранен, а быть бы Ярошу битую. Батя небось и возиться не стал бы. Опрокинул одним ударом. Могуч потому что. А Илья что? Илья из трех сыновей князь-воеводы слабейшим был. И есть. И таким останется...

Илья нахмурился, гоня смурные мысли.

Что было, то и осталось. Ярош закон блюдет и служит победителю честно. Кулиба при княжиче моровском — вместо воеводы. А Ярош — староста. И это под его приглядом Моров нынче вырастает из обычного селища в крепкий городок с надежной крепостью и своей церковью на высоком холме. Строят, ясное дело, не здешние смерды, а присланные батей умельцы, но и у Яроша задача важная: дать зодчим всё, что может дать радимичская зем-

ля. И Ярош с этой задачей справляется. И смерды моровские — тоже под ним. И всё, что в Морове происходит, тоже Ярош ведаёт. И Илье верен, хотя нынче Илье Яроша ничем не победить. Без ног-то.

— Ярош, гости на дворе постоялом есть?

— Есть, — кивнул здоровяк-радимич. — Торговые. Немцы. По-нашему не говорят, толмач при них. Поедешь, глянешь, княжич?

— Поеду. Оденусь только.

Ехал Илья в особом возке. Его Илья сам придумал: с ручками удобными, чтоб с ходунков внутрь залезать. Подушку подложишь — и вообще сидеть хорошо. Илья мог бы сам и с лошастью справиться, но княжичу — негоже. Для этого холоп есть.

От острога до пристани — четыреста шагов. В прежние времена Илья добежал бы вмиг, не запыхавшись. Сейчас не ноги упражнял — руки. Пока ехали, гнул через спину древко простого охотничьего лука.

Десна — река важная. Судоходная. Потому и пристань в Морове красивая, удобная. Дерево на четырех новых причалах светлое еще — недавно ставлена пристань. А причалы — хороши. Высокие, широкие. С надежными столбами для крепления концов. У таких даже большим морским кораблям и встать удобно, и грузиться-разгрузиться — милое дело. Люди для этого дела в Морове имеются. Примут, подтянут, мешки с шерстью подложат, чтоб борт к причалу мягко встал. Надо — примут груз и на склад унесут, под сторожу, чтоб гости торговые о сохранности не беспокоились и отдыхали в свое удовольствие. Надо — ремонт произведут. Хоть здесь, у причала, хоть на сухом берегу. И древесина добрая, сухая есть, и ткани для парусов.

Всё это батя придумал и денег вложил немало. Но выгода уже видна. Даже Илье. За всякую работу торговые гости платят, не скупясь. Медью — грузчиком, серебром — за ремонт. А уж за яство-питье на дворе постоялом — и вовсе

щедро. Купцы повеселиться любят. Жизнь у них такая. Не всякий домой возвращается, но если уж возвращается, то непременно с великой прибылью. Вот и думает купец: если уж жив остался да при деньгах, так живи весело.

Они и жили. Пили, ели, песни пели. С девками вдоволь валялись, но и умных бесед не чурались. И беседы умные Илья любил. Ему, привязанному ныне к Морову, очень интересно было, что в большом мире происходит.

Гости ныне в Моров пришли не из бедных.

У пристани — насады большие, числом пять. И два корабля-кнорра нурманской работы. Надо думать, на них гости торговые и пришли.

Постоялый двор над пристанью — хорош. Просторный, в два этажа, с тыном высоким. За тыном — склады, конюшня. Захочет, к примеру, какой-нибудь купец верхом прогуляться — пожалуйста. А пожелает дальше не водой, а сушей идти — тоже легко. И лошадки есть, и возы.

Лошади у отца тоже свои. И для рабочих нужд, и для воинских. А хочешь — никуда не ходи. Здесь товар отдай за справедливую цену. Или купи, что нравится.

Мыто князь Моровский брать права не имеет. Так князь киевский Владимир решил. А поторговать — почему нет? И торгуют. Беспошлинно. И ночуют-отдыхают. Всяко дешевле, чем в стольном Киеве, а кормят лучше. Вино-пиво-меды, кому что нравится, — в избытке. И девки, чтоб постель греть, тоже имеются.

Площадью постоялый двор — побольше крепости-острога, в котором Илья живет и дружина обитает, когда не в походе. Но в острог батя чужих пускать не велел.

Сказал: если гости переночевать захотят, будет где. А в острог чужим — нечего.

Тожe верно. Иной раз под здешней крышей до двухсот человек собирается. Однако сегодня — поменьше. Илья прикинул: десятка по два-три — с кнорров, а с трех насадов — дюжины полторы. До сотни не наберется.

Илья выбрался из возка, велел холопу ждать и запрыгал на ходунках к крыльцу, еще снаружи пытаюсь понять: на каком языке внутри орут? А орали громко. Как обычно.

Снаружи не угадал, только внутри. Гости оказались данами. Это значило, что толмач Илье не нужен.

В свои годы Илья уже много где успел побывать. На многих землях словенских, что Киеву данью кланяются. В Тмуторокани и окрест ее, когда жил у родичей-хузар. На море варяжском у князя белозерского. Там, кстати, и научился по-нурмански болтать. Еще в Великом Булгаре Илья побывал. Едва в беду там не угодил, но Бог милостив. И на Червенской земле был, которую Владимир у лехитов отбил. Даже у ромеев пожил немного. Правда, не в столице их заморской, а в Херсонском номе. Кабы не обезножил — так, может, и в Шемахе с братом Богуславом поехал бы. Или еще куда.

Теперь Илье из Морова в большой мир хода нет. Но если большой мир сам приходит к тебе, глупо упускать такую возможность.

Когда Илья на ходунках появился в трапезной, внимание на него обратили не сразу. За столами — без четверти сотня народу, и у каждого внутри — по четверть ведра хмельного, музыканты наяривают, пара скоморохов кувыркается — народ веселит. Шумно. Весело.

Старшие купцы, двое, сидели отдельно от остальных, за своим столом, поближе в выходе, где воздух посвежее. Они и увидели Илью первыми. Уставились: мол, что еще за чудище такое восьминое? Точно не побирушка. Одет богато.

Толмач подсуетился, шепнул: гридень это, в бою покалеченный. Да не просто гридень, а сын самого князь-воеводы Серегея. Услыхав сие, два старших дана тут же поднялись Илье навстречу и с подобающими уважительными словами предложили разделить с ними трапезу. Смешно, конечно — приглашать за стол хозяина стола, но Илья чиниться не стал, пристроился на торце, где скамьи не было.

Ему тотчас принесли доску специальную и миску, в которую один из данов, собственноручно, положил и мяса, и хлеба белого. Пива тоже налил. Засим даны немедля подняли тост за князь-воеводу Сергея.

Илья с удовольствием окунулся в общее веселье. Даны пировать любят, и на пиру с ними интересно. Они и песни петь мастаки, и сказы сказывать, а уж если сами воины или гости торговые (у данов, как и прочих северян, это, считай, одно и то же), то есть — люди бывалые, то слушать их можно до-олго...

А нынешним гостям рассказать было что. Причем не о земле датской, а о делах почти своих. Новгородских.

Потому что пришли купцы датские в Новгород как раз в ту пору, когда явились туда же посланцы Владимировы: стрый¹ его Добрыня и воевода верный Путята. Да не одни явились посланцы, а с гридьёю. Не за данью, хотя дань тоже взяли, а с делом государственным: обращать Господин Великий Новгород в веру Христову.

---

¹ Дядя по матери.

ГЛАВА 3

Великий Новгород. «В Волхов христиан!»

Новгород шумел.

Дело обычное. Новгородское вече часто шумит. Пошумят, подерутся да и разойдутся по своим концам.

Но не сегодня. Давненько у них не было такого единения. С тех пор как решили поддержать князя Владимира Святославовича против полоцкого Роговолта, а после — против Киева.

«За старых богов!» — кричало тогда вече в изумительном единении с Владимиром и дядей его Добрыней.

А теперь что ж получается? Слух прошел: возвращается в Новгород Добрыня и ведет с собой гридь киевскую. И для чего? Чтоб старых богов порушить и поставить вместо них Христа Распятого, коему в Киеве нынче кланяются!

Не бывать тому!

— Пусть они у себя в Киеве хоть псу шелудивому жертвы кладут! А нас не тронь! — орал, надрывая глотку, тысяцкий новгородский Угоняй. — Лучше нам помереть, нежели богов наших дать на поругание!

— Не бывать тому! — ревело вече. — Добрыню в город не пущать! Бить киевских!

— Разметать капища христианские! — возвышал голос над людской толпой главный из жрецов сварожьих Богомил Соловей. — Пожечь все!

— Пожечь! — рычало вече. — Р-разметать!!!

— Дитинец княжий взять! — завопил Угоняй. — Порошить всё! Не быть у нас князю, что против богов наших родовых, исконных, от пращуров! Бить и жечь!

— Бить!!! Жечь!!! — ревело вече.

— Дом Добрынин знаешь где? — Угоняй наклонился к племянникову уху, повышая голос, чтоб перебить рёв веча. — Бери верных людей да беги туда! Пока мы тут глотки рвём, вычисти дом Добрыни!

— А ну как узнает Добрыня, что мы его обнесли? — крикнул в ответ племянник. — Беда будет!

— Не узнает! — махнул рукой Угоняй. — Людь новгородская сначала Дитинец громить пойдёт, а потом и на дом воеводы непременно набезит. Вот на нее убыток и спишется!

— Бить!!! Убивать!!! — гремело вече.

— Ты, главное, вот что, — наставлял племянника Угоняй. — Главное — чтоб видаков не осталось! Понял? Ну так беги, не теряя времени, не то опередит кто!

* * *

— ...Пограбили тебя. — Холоп глаз на Добрыню не поднимал, глядел на острые кончики воеводининых верховых сапог — в лицо смотреть было страшно. — Весь дом разнесли, челядь побили...

— Жена моя, дочь, племянники? — Голос воеводы скрипит, будто жернов ворочается.

— Тож... — пробормотал холоп. — Всех. До смерти.

— А вы где были?

— Много их пришло, — еле слышно проговорил холоп. — За сотню. И не смерды — вои. Наймиты. Через забор перелезли и как пошли бить-рубить.

— А ты почему жив? — Голос Добрыни — будто сталь холодная в мясо входит.

— Мне женка твоя велела за подмогой бежать. В Дитинец.

— Побежал?

— Побежал.

— Ну?

— Так на Детинец тож насели. Людъ новгородская. Тыщи. Всё запружили кругом. Я — обратно, а там уже всё. Побили всех.

— Сам видел?

Холоп кивнул.

— Казни меня, господин! Всех побили, всех! — повалился Добрыне в ноги и зарыдал.

Воевода пихнул его ногой.

— Встань! — рывкнул он. Ухватил холопа за ворот, поднял одной рукой. — Что мне проку с тебя, мертвого? Говори: узнал кого из разбойников?

— Узнал... — пробормотал холоп, давясь слезами. — Тысяцкого Угоняя племяш...

— Порвать! — прорычал воевода киевский Путята. — На колы всех! Живые мертвым обзавидуются!

— Помолчи! — неуважительно оборвал старший воевода младшего. — Скажи мне, раб, когда ты убегал, Детинец пал или стоял еще?

— Стоял, господин.

Добрыня разжал пальцы, и холоп кулем повалился к его ногам.

— Увести, накормить, не обижать, — бросил Добрыня гриди.

Отроки подхватили беглеца и уволокли.

— Не казнишь его, батько? — спросил Путята.

— Награжу, — сухо произнес Добрыня. — Сумел спастись и весть донести не побоялся. Казнить будем тех, кто кровных моих побил и на княжье покусился.

Весть о смерти жены и остальных не особо огорчила. Жена — здешняя, новгородская, взятая, чтоб с купечеством новгородским породниться, еще когда Владимир в Новгороде княжил. Ее не жаль. Добра — тоже. Мелочь. Но спускать нельзя, и Добрыня не спустит.

— Так я поднимаю гридь? — полуутвердительно спросил Путята.

— Нет!

— Но почему? — искренне удивился воевода.

— С нами — тысяча воев киевских, — напомнил Добрыня. — Да ростовских — полтысячи. Этого довольно, чтобы привести к Христу *покорный* город. Новгород же не таков. Они драться будут.

— Ну так пошлем за подмогой! — воскликнул Путята. — В Полоцк пошлем! В Смоленск! Да хоть в Киев! Поучим смердов покорности!

Дядя великого князя Киевского глянул на Путяту. Долгим таким взглядом. Как бы даже с сожалением. Преданный человек, но иногда... такой дурень.

— Что, батько? — не выдержал, смутился воевода. Никого он не ставил над собой: только двоих — князя Владимира и Добрыню. Причем Добрыню — выше. Это Добрыня привел его, смоленского сотника из полян, к племяннику, сказавши: «Возьми его, не пожалеешь!»

И Владимир взял. По слову Добрыни. Сам бы — вряд ли. Потому что в те времена кланялись они разным богам: Владимир — варяжскому Перуну, а Путята — Сварогу полянскому. И сколько б ни говорил Владимир о «старых богах», но видел тогда Владимир Перуна старшим над всеми богами, а варягов — старшими над всеми языками: полянами, древлянами, сиверянами, уличами и прочими.

Добрыня — тот сам полянин. Ему Путята верил как себе. Дальше больше, чем себе, потому что знал Путята, что его собственная храбрость да пылкость часто впереди ума бегут, а Добрыня — мудр. Иной раз был Путята пред Добрыней — как отрок дерзкий, несмышленный. Стыдно. Но терпел. Вместо отца держал Добрыню.

— А то! — проворчал князев стрый. — Войну затевать с Новгородом — дело неумное. Кабы хотел я их побить, не тебя, а ярлов — Сигурда и Дагмара — взял. Этим резать —

весело, и обида новгородская не на нас, а на нурманов легла бы. А уж на нурманов им обижаться — привычно. Однако верно сказал князь-воевода Серегей: побьем смердов — кто дань платить станет? Зачем резать овцу, которую можно стричь? Не в том хитрость, Путята, чтоб побить смердов, а в том, чтобы в овин загнать.

— Они твою родню убили, а ты будешь с ними договариваться? — изумился Путята.

— Жену с дочкой жаль, — согласился Добрыня. — Но убивали их не все новгородцы разом, и потому казнить всех ни к чему. А виновных мы знаем и накажем. Но не это главное, Путята. Не за этим мы приехали, ты не забыл?

Воевода согласно кивнул. Обратить Новгород к вере великого князя — вот их цель.

Детинец удержался. Главным образом потому, что, обломав первые зубы о его стену, толпа бросилась грабить дома христиан. Это было куда веселей, чем лезть на стену под стрелами немногочисленной, но умелой княжьей дружины.

Разграбили многих. Пожгли церкви, в том числе и самую большую — Преображения Господня. Да, весело было...

До той поры, пока не прошел слух, что Добрыня уже здесь. Вышел на правый берег Волхова, и уже на Торгу его воины числом до пяти тысяч копий. Молва склонна преувеличивать. Вот уже по мосту Добрыня идет. Сейчас перейдет Волхов — и изойдет кровью Новгород.

Слухи, однако, опять наврали. Дружина Добрыни еще только подходила к мосту через Волхов, когда оружное новгородское ополчение уже встало поперек в готовности. Даже боевые машины подкатили: самострелы большие, снятые со стен. Будто не Добрыня по ту сторону Волхова встал, а какой-нибудь вражий конунг нурманский.

Вышли Добрыня и епископ Иоаким с новгородцами говорить, а те вместо разговора — камнем из самострела.

Промахнулись. Однако ясно дали понять: переговоров не будет. С версту слышно, как на левом берегу орали: «Не дадим отчих богов порушить! В реку христиан и киевлян!»

— Вот и поговорили, — произнес Путята, с тревогой глядя на перекрытый мост. — Что теперь, батько? Силой брать будем?

— Придется, — мрачно проговорил Добрыня.

До последнего надеялся новгородцев вразумить. Все же знали его здесь. И не один год, и не десять. До сей поры умел Добрыня с новгородским норовом управляться.

— На мост — нельзя, не пустят, — заметил Путята. — Не зря они самострелы приволокли и камней такую кучу, что отсюда видать. — Сунемся — так врежут! Мало не покажется!

— Бог нам в помощь! — заявил епископ Иоаким. — С Ним — победим!

Был Иоаким хоть и ромеем, но херсонским, потому по-словенски говорил свободно.

— Так, может, пойдешь, владыка, да и вразумишь язычников? С Божьей-то помощью? — язвительно бросил Путята.

Воевода хоть и принял Христа, но настоящей веры в нем не было. Говорили о нем: и старых богов не забывает. Потому и взял его с собой Добрыня — новгородских кумиров низвергать. После Новгорода не будет у Путяты другой дороги, кроме Христовой.

— И пойду! — воскликнул епископ.

Он и впрямь вознамерился в одиночку новгородцев вразумлять, но Добрыня не пустил:

— Тебя убьют, владыко, и что дальше?

— Я смерти за Веру Истинную не боюсь! — воскликнул епископ.

— Я в этом не сомневаюсь, — сказал Добрыня. — Да только сейчас в тебе гордыня говорит, а не вера.

— Это почему же? — выпятил бороду пастырь.

— А потому, что мнится тебе мучеником за Христа помереть! И помрешь. А кто тогда Новгород крестить будет? Нет уж! Успеешь в Царство Божие попасть. Сначала земной долг свой исполни!

— Так не хотят они креститься! — воскликнул епископ.

— Сегодня не хотят, завтра умолять станут, чтоб ты их в Истинную Веру обратил, — заявил Добрыня. — Это ж новгородцы. Знаю я их. Побуянят и образумятся.

— Ой ли? — усомнился Иоаким.

— А ты не ойкай, владыко! — строго сказал Добрыня. — Сказал, образумятся, значит, так тому и быть. А для ускорения сего мы с воеводой Путятой вразумим их немного.

— Это как же?

— А тебе, владыко, сие знать ни к чему, — отрезал Добрыня. — Иди да помолись Господу за души наши, а с делами воинскими мы и сами управимся.

— Придумал что, батько? — с надеждой спросил Путята, когда епископ ушел.

— Да тут и думать нечего, — махнул рукой Добрыня. — Как стемнеет, возьмешь лодки, переправишься с ростовцами на ту сторону, войдешь в город, возьмешь Угоняя и прочих крикунов и сюда переправишь. А если не угомонятся новгородцы, укроешься в Детинце. И тогда пусть хоть десять тысяч против тебя исполчат — без толку. Однако надеюсь: до того не дойдет. Одумаются. Сделаешь?

— Попробую, — не слишком уверенно произнес Путята. Он был храбр, но соваться на левый берег с одной лишь полутысячей да еще не киевлян проверенных, а ростовцев, казалось ему затеей сомнительной и опасной. — А почему — с ростовцами?

— А чтоб вас за своих приняли, — пояснил Добрыня. — наших-то, киевских, сразу опознают, а ростовские от новгородцев отличаются мало. Что с лица, что по оружию.

Так и сделали. Но вышло не так гладко, как думал Добрыня.

Но о том, что было дальше, Илья услышал уже не от данов, которые все время новгородских художеств¹ на своем подворье просидели, а после слухи собрали, а от того, кто сам всё видел, и не только видел, но и дело делал. От Улада, сына Драя-полочанина. Улад сначала под братом Богуславом в GRIDНЯХ ходил. Потом великий князь Драя тысяцким в Ростов отправил, и Богуслав Улада тоже в Ростов отпустил. Сотником. С Ильей Улад был не то что знаком — больше. Горсть соли вместе съели, сражались бок о бок и едва не погибли на вятицком капище. А Кулиба Уладу и вовсе родичем приходился. Так что не удивительно, что Улад, будучи в Киеве, в Моров заехал. Не один, впрочем, а с батюшкой Сергеем, который привез Илье подарок. Да такой, о котором калеке только мечтать!

---

¹ В те времена слово «художества» к рисованию отношения не имело, а происходило исключительно от слова «худо».

ГЛАВА 4

Моров. Роскошный подарок

— Вижу, вижу, что даром времени не терял, — пробасил князь-воевода, одобрительно глядя на сына. — Аж в плечах раздался!

— Старается, — похвалил подопечного Кулиба. — От зари до зари трудится. Давеча вон деревяху боковую сломал, так мы новую приладили. Потолще.

— Ты, батя, глянь, как я могу! — гордо воскликнул Илья. Ухватился за держалку, подтянулся чуток *одной рукой*, а другой заправил непослушные ноги в кожаную люльку ходунцов. — И вот так могу! — В три прыжка-толчка достиг печи, развернулся проворно, на одном костыле, — и обратно. — И на улице от тебя не отстану, если шагом пойдешь! Показать?

— А покажи! — усмехнулся Сергей Иванович, глядя на сына с ласковой улыбкой.

Три месяца назад он соорудил Илье тренажерный комплекс, такой, чтоб Илье было удобно грузить все мышцы. Все, которые работали. Он не особо надеялся на результат. Считал, что главное — дать парню цель, чтоб от горя не зачах. Но добиваться цели Илюшка умел как никто. Парень до увечья на мускулатуру не жаловался. Естественно. Уже в тринадцать мог с любым гриднем из Духаревской дружины потягаться. Не факт, что победил бы, но попотеть заставил. Теперь же, всего лишь после

трех месяцев тренировок, та-акие мышцы нарастил! Не меньше чем у старшего брата Богуслава. А Богуславу — за тридцать, он в самой, что называется, мужской поре. Вон недавно шкуру коровью на спор голыми руками разорвал. Спознался у азиатов с каким-то мастером то ли ушу, то ли кун-фу, и тот его обучил всяким захватам-вывертам. Зачем это воину такого уровня, как Богуслав, Сергей Иванович не понял. А когда спросил у сына, тот ответил, что в чужих землях не везде с оружием пускают. В иных местах даже нож отберут на всякий случай. Духарев с резонансом согласился.

Илья открыл дверь костью, пропустил Сергея Ивановича вперед, подождал, пока тот сойдет с крыльца, а потом спрыгнул сам... И остановился.

— Это что, батя?

У крыльца стояла небольшая кобылка. Но дело было не в кобылке, а в том, что у нее на спине.

— Познакомься, сын, — сказал Сергей Иванович. — Ее зовут Шуша. Ты не гляди, что на вид неказиста. Для начала тебе — в самый раз. Наловчишься — тогда и до Голубя дело дойдет. Само собой, тебе его переучивать придется, но ты справишься! — Улыбка вновь приподняла седые усы князь-воеводы. — Дай-ка я тебе помогу...

Князь-воевода взял сына под мышки и водрузил на спину кобылки.

— Вот эти ремни вот так затягиваешь, — показал он. — И всё. Такое у тебя теперь седло, сынок. Не седло, а трон княжеский. И захочешь упасть — не получится. Направлять лошадку придется руками и поводьями, но ее уже приучили немного, так что тебе будет легче. Пошел! — И хлопнул кобылку по крупу.

Илья качнулся с непривычки (ног-то нет), уперся рукой в седло... А батя был прав: упасть в такой «сбруе» было невозможно. Кобылка с рыси перешла на шаг, покосилась на всадника: может — в стойло?

— Ах ты лентяйка, — ласково проговорил Илья.

Повинуясь поводу и легкому касанию плети, кобылка вновь перешла на мелкую тряскую рысь.

«Как бы ей спину не сбить...» — озабоченно подумал Илья.

Утоптанная, тронутая инеем земля подворья убежала назад. Илья поддернул повод, разворачивая кобылку в сторону открытых ворот... Но остановился. Другая мысль пришла ему в голову.

Подъехав шагом к Сергею Ивановичу, Илья попросил:
— Бать, лук мне дай. И стрелу.

— Дай ему, что просит, — велел князь-воевода дружинному отроку.

Тот вынул оружие из налуча, хотел накинуть тетиву, но Илья не дал:

— Я сам!

Надеть тетиву на лук — дело непростое. Боевой лук для степной охоты — сильный. Обычно так делают: упирают нижний рог в землю и, оборотив через ногу, гнут-тянут спиной изо всех сил, чтоб набросить тетиву на верхний рог. Еще год назад Илье едва хватало веса, чтоб это сделать. Сейчас, без ног, это казалось и вовсе непосильной задачей. Но Илья уже придумал, как поступить. Нацепил петлю на большой палец десницы, упер один рог в седло, взялся двумя руками, перехватился левой поближе к верхнему рогу, повис всей тяжестью. Лук едва не выскользнул, но Илья удержал, и сам удержался на изогнувшемся луке, накинул правой петлю и, вновь перехватившись, мягко опустил в седло. Есть!

— Ловко! — похвалил кто-то из отцовской гриди.

— Стрелы! — крикнул Илья, и тот же отрок сунул ему в правую руку три легкие охотничьи стрелы.

— Возьми, сын! — Батя протягивал Илье синдское колечко из слоновой кости. Его, Ильи, колечко! Сохранил, значит. Верил, что пригодится.

У Ильи едва слезы из глаз не брызнули. Но сдержался. Поблагодарил кивком, чтоб голос не дрогнул, надел

кольцо на большой палец десницы, зацепил тетиву с уже наложенной стрелкой, огляделся, выискивая мишень. Тело дернулось, но привстать на стременах, понятно, не получилось. Ног нет, нечем упираться. Ну да это не беда. Старый Рёрах учил его бить по-всякому. И стоя на бревне, и сидя, и лежа, и в прыжке, и даже свесившись с ветки вниз головой. Эх!

Илья засмеялся счастливо, откинулся и метнул все три стрелы, одну за другой, в кружившегося над подворьем коршуна. Все три попали, хотя две были лишними — коршун был сбит первой же, остальные прошили уже падавшую птицу.

Прав, прав батя! Воин — это не ноги. Воин — это в крови. А еще воин сам мстит своим врагам. И он отомстит. За себя и за Фроди. Имя врага ему известно. Соловей.

Кстати, а не тот ли это Соловей новгородский, о котором говорили даны?

ГЛАВА 5

Великий Новгород. Огненное крещение

Оказалось — нет, не тот. Того Соловьем не за певучие стрелы прозвали, а за речи сладкоголосые.

— Это новгородский сварг главный, — пояснил Улад. — Начнет, бывало, говорить — заслушаешься. За то его Соловьем и зовут. То есть — звали.

— Убили вы его? — спросил Илья.

— Бревном задавило. Как вечевики на Детинец всей толпой полезли, так эти, сварги, впереди были. Орали, мол, любит их Сварог и от смерти оборонит. А он их себе забрал. Верно, и впрямь приглянулись...

* * *

Возглавляемые Путятой ростовцы высадились на левом берегу уже затемно. Проникнуть в город труда не составило, хоть и народу неспящего было, считай, как днем. Веселились новгородцы. Костры жгли, ели-пили в охотку. Кто — с добычи. Кто — с того угощения, что старшина выставила. Иные продолжали грабить дома христиан. Из тех, кто отбиться не смог. А под шумок — не только христиан. Никто разбою не мешал: сторожа городские, из боярских да ремесленных, обороняли только своих, а князьбы из Детинца носа не казали. К ним больше не лезли. Пока не лезли. До времени. Потрошили тех, кто попроще.

Пиво, да меды, да калачи на улицах раздавали за так. Ростовцы тоже... подкрепились немного. Их за своих приняли. Прав оказался Добрыня.

Не войском, а толпой шли по городу. Прямым к подворью тысяцкого Угоняя.

На подворье Угоняя праздника не было. Но и не спали. Дворня суетилась всюю. Как муравьи в большом муравейнике. Еще бы. До сих пор с десяток телег неразобранными стояли. Неплохо подогрелся тысяцкий на справедливом бунте. Больше всего взяли в доме Добрыни, но и серебряная утварь из церкви христианской тоже к месту пришлось. Жаль, недодали Детинец, но завтра — непременно...

Сложить христианское серебро в сундучок Угоняй не успел. Шум снаружи усилился, да как-то не так, неправильно.

Тысяцкий хотел выйти, глянуть, что там за беспокойство... Не успел. Беда пришла сама. В облике наймита-своя со стрелой в боку. Свей только и успел, что дверь растворить, — и повалился на пол, пятная кровью шемаханский ковер.

А за сеем вошли трое. Угоняй схватился было за нож, но убрал руку. Узнал.

— Не ждал, злодей? — оскалился Путята. — Берите его, гридь. Да поосторожнее. Добрыне не понравится, если этакий товар ему попорченным поднесут.

Тут Угоняй снова схватился за нож, но зарезаться не успел. Перехватили, спутали, как овцу для заклания, пихнули в рот рушник, стряхнув на пол серебряные вещицы, и поволокли Угоняя наружу.

А снаружи воев чужих — больше, чем дворни. И вся ближняя родня Угоняя повязана гуртом.

— На телеги их, — скомандовал киевский воевода. — Прикройте чем-нибудь и пошевеливайтесь! Дел у нас еще — выше теремной крыши.

— Пятерых тогда взяли, — рассказывал Улад. — Лучших людей новгородских, кто громче всех против Христа орал. Прямо в домах и взяли. Повязали и переправили на правый берег, к Добрыне. А тот сразу допрос учинил. И к утру всех, кто его дом грабил или церкви рушил, казнил без пощады. Остальных оставил до времени, потому что новгородцы, узнав поутру, что с их боярами сотворили, разгневались сильно и несметной силой пришли Детинец брать. Ну а мы их там и встретили как положено.

Толпа у Детинца собралась несметная. Никак не меньше шести тысяч. Вдесятеро больше, чем защитников внутри. Кабы не Добрыня со своими, не устоял бы Детинец. А так — хорошо получилось. Пока вся оружная людь Новгорода под Детинцом копилась, Добрыня с остальными киевскими воями реку переплыл и дома у реки поджег, прикинув так, чтоб огонь мимо Детинца пошел.

— Тут уж новгородцам стало не до бунта, — рассказывал Улад. — Пожар не остановить — город дотла выгорит.

Илья их понимал. Новгород — весь деревянный. Даже дорожки для ходьбы на улицах деревом выстланы. Займет-ся — вспыхнет как трут.

На площади перед Детинцом вмиг опустело. Только мертвые да раненые, кто встать не мог, остались.

А тут и Добрыня пожаловал. С гридьёю. И с пленными. С которыми уже и ряд уложил: от старых ложных богов отречься ради Христа. А он за то не будет город зорить¹ и новгородцев бить. Ряд же лучшие люди новгородские еще до переправы подписали. Поглядели на Угоняя с племянником, на колы посаженных, — и подписали.

— Крестили всех по обычаю — в реке, — рассказывал Улад. — Мужей — выше моста, жен — ниже. А потом повели глядеть, как идолов рубить будут. Ох и кричали они,

---

¹ Зорить — разорять дотла, опустошать, предавать огню и мечу. (Прим. ред.)

ох и плакали! А Добрыня им: «Какую пользу вы от богов сих чаете, ежели они сами себя оборонить не могут?» И тут наш Перун себя показал: упасть упал, да так, что троих отроков Путятиных придавил. А Перун тот не из дерева был, а из дикого камня вытесан. Так что одного — сразу насмерть, а двоих покалечило сильно. А говорили же Путяте: дай нам, варягам, с Молниерукиим обойтись. Мы б его с вежеством уложили. А вы, поляне, со своими управляйтесь. — Улад хмыкнул. — Так Добрыня в ответ: нет более ни полян, ни варягов. Есть княжья русь да Единый Бог Иисус Христос. Ну коли так, то и удивляться нечего, что последнюю жертву Молниерукий сам взял. Разбить его полянские так и не сумели, и когда вниз, к реке волокли, Молниерукий оружие каменное отбросил, да так, что оно великий мост проломило и в воду кануло.

— Знаменье, — пробормотал Кулиба. — Не быть, значит, миру меж двумя новгородскими берегами. Будут теперь на сём мосту извечно биться во славу Перуну.

Илья поглядел на батю. Князь-воевода усмехался, но как-то невесело. Неужто Перуна жаль? Может быть. Батюшка ведь тоже варяг, хоть и христианин.

— А потом люди Добрыни по слову епископа по домам пошли, — продолжал сказ Улад. — Искали тех, кто Святого Крещения избежал, брали и гнали к реке, Иоаким со священством их ждал и к Истинной Вере приводил.

Илья увидел, как князь-воевода недобро хмурится, и не удержался, спросил:

— Батюшка, что не так?

— Нельзя к Богу силой вести, — проворчал Сергей Иванович. — Новгород и раньше нам другом не был, а теперь врагом станет.

— Да куда им против руси! — не согласился Улад. — Мы их били всегда и еще побьем, если хвост напружат!

— Да ну? — Сергей Иванович приподнял бровь — А ты не забыл, часом, откуда в Киев Владимир пришел?

— Так то Владимир! А то...

— Не спорь! — рыкнул на сотника Кулиба. — Князь тебя старше вдвое, а умнее вдесятеро! Думаешь, батько, беду на нас Путята с Добрыней накликали? Владимир ведь тоже народ киевский собственной волей крестил.

— Может, и обойдется, — вздохнул Сергей Иванович. — Владимир великое дело сотворил. Может, по-другому и нельзя было народ наш крестить, да только Владимир город не жег и кровь не проливал, как Путята с Добрыней. Эх! Надо было ему не Добрыню, а Сигурда послать. А то и самому пойти. Тогда б новгородские противиться не рискнули. И родня Добрынина жива была.

«Хотя вряд ли он сильно опечалился, — подумал Сергей Иванович. — У княжьего дяди таких жен — по числу имений. А имения у него, считай, в каждом большом городе».

Другое хуже: Новгород и раньше с Киевом враждовал, а теперь киевлян там вообще возненавидят. Надолго. И любую смуту поддержат, если она — против Киева. И против Владимира.

Но вслух он другое сказал:

— Кто знает, для чего нам Бог беды шлет: для того, чтоб от бóльших бед удержать, или — для нашей крепости испытания?

Илья так и замер, не донеся кусок до рта. Батя вроде бы просто так сказал, для всех, а оказалось — лично ему.

— А тебя, князь-воевода, Путята ой не любит! — продолжал между тем Улад. — Добрыне жаловался, тебя хулил: мол, всю торговлю княжью под себя забрал, никто мимо тебя ни на восход, ни на заход не ходит.

— А что Добрыня? — усмехнулся Сергей Иванович.

— Велел Путяте в чужие лари нос не совать.

Сергей Иванович кивнул. Все правильно. Изрядная доля княжеских товаров идет через торговый дом «Духарев и его родня». Но — выгодно. Товары Сергей Иванович берет по хорошей цене. Немногим ниже, чем дали бы за них на подворье монастыря Святого Маманта, где по до-

говору русам было положено жить и торговать. Получить все сразу, сполна и без малейшего риска. Чем плохо? А что сам Сергей Иванович, как спафарий имперский, на которого торговые ограничения не распространяются, продаст меха, воск и прочие ценности куда дороже, чем купил... Ну так это его право.

Но вслух ничего этого князь-воевода Моровский не сказал. Была ведь и другая правда.

— Путьята на наш род давно зуб точит, — произнес он. — Напасть боится, так исподтишка куснуть норовит. И всех, кто нам недружен, привечает. Вот как боярина Семирада, к примеру.

Илья уже знал, что Семирад — из батиных недоброжелателей. Хотел с батей по торговым делам пободаться — получил по рогам. Хотел замириться: взять в жены Лучинку, которая тогда не была еще женой брата Богуслава — от ворот поворот. В общем, везде, где мог, старался Семирад бате нагадить. Батя только усмехался. Говорил: врага надо знать в лицо.

Хотя какое у Семирада лицо? Рыло свиное. Да ну его!

У Ильи в голове все крутились батины слова о бедах и испытаниях. Что ж такого ему сделать, чтоб ноги вернуть?

ГЛАВА 6

Моров. Брат Богуслав. Синдское искусство

— Стой! — скомандовал Илья, и Голубь встал как вкопанный. Илья вовремя откинулся назад, удерживая равновесие. Шагов сто. Отсюда кабаний выводок казался мелким, будто стайка мышей. Однако на белом, присыпанном первым снежком склоне Илье виден каждый зверь: подсвинки, свиньи, секач. Если бы Илья охотился ради мяса, начал бы с подсвинков, но нынче его главная цель — секач. У секача под шкурой калкан — покрепче иной брони. Считай, воин среди зверья. Слабой рукой такого не завалить.

Илья прикинул: кабаны выше его локтей на тридцать. Снежок сыплет, но совсем маленький. Пыль, а не снежок. Не помешает. Ветер — чуть-чуть, навстречу. Тоже хорошо. Запахи и звуки относит. Илья вынул из тула три стрелы. Одну — боевую, с узким граненым наконечником, — уложил в гнездо тетивы. В том, что попадет, Илья не сомневался. Его лук и на двести шагов бьет уверенно, а тут — вдвое ближе. Вопрос: *как* он попадет. Илья подцепил колечком тетиву, выдохнул, вдохнул... раздернул лук во всю мочь.

Стрелка пошла ровно. Не зря Илья ежедневно не меньше трех сотен выстрелов делает. Наловчился туловище прямо держать.

И сразу за бронебойной — вторую и третью. Это уже — срезы. Для подсвинков.

— Вскачь! — крикнул Илья, бросая лук в налуч. Голубь сорвался с места. Куда скакать — сам догадался. Илья пригнулся, упершись руками в луку. Пожалуй, так он мог бы удержаться и без хитрого отцова седла. Если понадобится.

Голубь домчал вмиг. Кабанов и след простыл. Кроме трех. Все три стрелы нашли цели. Подсвинки были еще живы, барахтались, пятная кровью снежок. А вот матерого секача Илья положил сразу насмерть. Стрела вошла в глаз едва ли не по оперение. Кабан где рыл, там и лег.

Подскакали радимичи. Тут же спешились. Один ухватил секача за переднюю ногу, оттянул, чтобы второй мог в сердце ударить, кровь слить.

— Стрелу мне не поломай! — строго произнес Илья.

Хорошая стрелка, проверенная. Такая дорого стоит. Иной раз — жизнь.

Когда въезжали в Моров, Илья еще на подходе увидел, что у пристани судов прибавилось. И среди прочих — морской драккар, который как раз швартовался у пристани, — работники только-только мешки с шерстью бросили, чтоб красавец-корабль бока не оцарапал. Э-э-э! Это ж не просто драккар — родной кораблик. С батиным «Морским конем» на парусе и страшным змеем-драконом на носу. Другого такого не было ни у кого: ни у нурманов, ни у варягов, потому что привез его брат Богуслав с самого дальнего Восхода и в отличие от нурманских фигур не снимал никогда. Пусть враги боятся, а свои и так знают стяг князь-воеводы Серегея.

Брат! Брат приехал!

— Подсвинков — на стол, секача — псам и челяди! — крикнул Илья сопровождающим, а Голубь уже нес его вниз, к пристани.

Поспел как раз, когда брат перемахнул через борт.

Илья голосом осадил жеребца, сумев ровно удержаться в седле:

— Славка!

— Илюха!

Старший брат ухватил Илью за предплечья, благо, роста ему хватало.

— В седле! — проговорил он восхищенно. — Отец говорил, да я не поверил! Илюха! Годун!..

Илья увидел, как заблестели от слез глаза брата. Он и сам... обрадовался.

Сглотнув ком в горле, произнес солидно, как положено хозяину:

— Устал небось с дороги-то? В баньку или покушаем сначала? Я двух свинок подбил нынче. Велел к столу готовить.

— Какой — устал? — засмеялся Богуслав. — Веришь, за целый день за весло ни разу не подержался. Зато пук перьев сгубил, пишучи. Сам-то грамоту не забываешь? — Последний вопрос Богуслав задал по-ромейски.

— Не забываю, — тоже по-ромейски ответил Илья, гордясь столичным «патрицианским» выговором, коему научил его привезенный из Константинополя педагог. — Ты как, один или со своими?

— Один. Лучинка тебе поклон передавала. Хотела со мной, да мама непустила. Дела у них важные. Обещались, как снег ляжет, вдвоем приехать. И батюшка с ними. А ты крепок, братец! — похвалил Богуслав, с силой сжимая Илюхины руки.

— Да и ты не слаб! — усмехнулся Илья. Хват у Богуслава — болючий, но Илья и виду не подал.

— Соколик! — крикнул Богуслав. — Ты распорядись тут, да в крепость с нашими приходите. Брат на угощение зовет!

— Здравия, княжич! — махнул рукой Соколик, знакомый Илье еще по бабиной гриди. — Благодарим!

Илья тоже хотел какое-нибудь распоряжение отдать, но увидел, как из ворот постоянного двора выходит Ярош, и решил не важничать. Староста-радимич лучше знает, что куда нести и кого куда селить.

Прикосновением ладони Илья развернул Голубя и послал его шагом к острогу. Богуслав легко поспевал рядом, держась за перекладину на седле-коробе. Голубь не возражал. Знал, что свой.

На подворье челядь уже готовилась к пиру: свинок ободрали, выпотрошили и устраивали на вертела. Секача же только подвесили на перекладину. Богуслав подошел, глянул наметанным...

— В глаз положил?

— Ага, — подтвердил Илья. — Бронебойным.

Богуслав кивнул. Хвалить не стал. Порадовался за брата молча. Страшно жить калекой беспомощным. Но ежели ты и на коне скачешь, и стрелой зверя бьешь, может, не калека ты уже, а муж?

Нет, всё же калека. Пока на коне сидел, не так заметно. Разве что седло диковинное да посадка, а когда перебирался Илья в ходунки, принесенные холопом, сердце кольнуло от жалости. Но помочь не поспешил. Видел, что Илья сам управляет и гордится тем, что сам.

Похвалил, скрепя сердце:

— А ловок ты, братишка! И силен!

— А то! — улыбнулся Илья. — Пошли, покажу тебе, что мы с батей соорудили, чтоб силу мне рóстить! — Приласкал напоследок Голубя, угостил морковкой, передал повод холопу и ловко запрыгал на ходунках через двор.

Внутри Илья пересек большой зал, подскакал к узкой лесенке наверх, выбрался из ходунков, уперся руками в перила и «пошел» на руках наверх, да так быстро, что не всякий бы за ним и ногами поспел.

Комната у Ильи просторная, светлая и вся увешана, уставлена отцовской *механикой*. Ну да, другого слова, кроме этого, ромейского, и не подберешь. Канаты, переклади-

ны, лесенки. Две машины с дугами, как древки больших луков, чугунные гири и *гантели*, какие отцовы кузнецы отливали и самому князь-воеводе. Палка железная с набором дисков, установленная на рогулке над широкой доской... Из-за всего этого разнообразия передвигаться по горнице ногами было не очень ловко, зато Илье — сподручно. Перехватываясь с обезьянней быстротой от одной хитрой штуковины к другой, он скороговоркой рассказывал Богуславу, что здесь для чего и как с этим управляться.

И чем больше и энергичнее говорил Илье, тем сильнее шемило у Богуслава в груди. А представишь, каким воином был бы Илье, если б не несчастье, так сердце вообще кровью обольется.

Но виду, само собой, Богуслав не подавал: кивал да восхищался отцовской сметкой и достижениями брата. Что-что, а лицо держать Богуслав умел как никто. Навострился, ведя переговоры с ромеями да азиатами.

— А смотри, чего я могу! — Илье выдернул из связки обрезок ремешка, каким обычно обувь шнуровали, намотал на кисти, поднатужился... — Ха!

Порвал.

Богуслав усмехнулся. Взял ремешок из той же связки, выбрав подлиннее, сунул Илье, протянул соединенные руки:

— Вяжи!

Вязать Илье умел хорошо. Исконно воинский навык. Несколько мгновений — и мощные запястья брата спутаны по всем правилам варяжского искусства.

Богуслав кивнул одобрительно. Сам не повязал бы лучше.

— А теперь — гляди! — Он встряхнул связанными руками, прикрыл глаза, успокаивая дыхание, выгоняя лишние мысли...

Илье глядел с любопытством: как брат будет распутываться? Сам он, наверное, постарался бы понемногу растянуть ремни, а потом высвободить одну руку. Дед

Рёрах когда-то его учил: как кисть собирать, как большой палец поджимать правильно. И как ловчить, когда тебя вяжут. Если запястье толстое, а кисть — не очень, высвободиться можно. У брата запястья — толстенные. Но ладони куда шире.

...Богуслав резко выдохнул и двинул руками в стороны. Как будто даже без усилия и... Илья глазам не поверил: ремешки лопнули, будто гнилые. Илья схватил обрывок... Нет, добрая кожа. Откуда ж в его припасе гнилой взяться?

Брат улыбался.

Лицо у Ильи сделалось обиженное-обиженное. Будто у ребенка сладость отняли. Вот, хотел, понимаешь, собственной силой удивить... Как же! Удивило теля могучего тура!

Богуслав похлопал брата по плечу.

— Ладно, ладно, — проговорил он успокаивающе. — Ты тож силен, братишка! А для такого одной силы мало. Хочешь — научу?

— Да ну... — не поверил Илья.

И схлопотал увесистый подзатыльник.

— Ты что же, не веришь мне? — строго спросил Богуслав.

Рука у брата мозолистая, тяжелая. Больно. Но Илье так радостно стало. Со времени, как покалечили его, никто Илью не бил. Ни разу. Жалели. А эта оплеуха — она будто вернула в прежние, воинские, времена, когда усомнишь ты в слове старшего, и глазом не моргнешь, как схлопочешь.

Илья толкнулся руками, прыгнул брату на шею, повис:

— Славка! Научи!

Богуслав похлопал по спине, проворчал:

— Сказал — научу, значит, научу. Отцепись, да пошли есть. У меня от духа жаренки слюней уже полон рот.

И точно. Снизу вкусно тянуло печенной на огне свиной. Илья и сам сглотнул: с утра ни крошки.

— Пока есть будем, расскажу тебе историю, братишка, — пообещал Богуслав. — Тебе понравится.

Взял Илью под мышки и пересадил на лежанку. Илья увидел, что на загорелых запястьях брата от порванных ремней — ни следочка. Ни пореза, ни ссадины. Вот ведь... волшебство.

* * *

— Удивительное зрелище, мой господин! Говорят, сюда даже сам калиф, да будет с ним счастье и покровительство Аллаха, захаживает. Тайно, разумеется.

Они с Шамсаддином пришли сюда еще на закате. Началось всё мирно: с музыкантов и циркачей. Потом музыка и танцы. Смуглые девушки с закрытыми лицами и почти обнаженными телами. Иные — такие гибкие, что больше похожи на жен-ужиц из селянских сказок.

Потом — снова здешние скоморохи. И опять плясуньи.

Потом эти же плясуньи разносили сладости и напитки. Намекая, что за отдельную плату могут и сами усладить. Даже показать личико. Впрочем, Богуслав и так знал, что там, под шелковой завесой. Да и, в отличие от местных мужей, женские лица его не возбуждали. Закуски с напитками — тоже. Сладкому он предпочитал добрый кусок чуть обжаренного, сочного мяса с добрым ромейским или болгарским. Можно и пива. Бочонок. Но уж точно не эту приторно-медовую липкую жижицу.

Богуслав заскучал. Женщины эти... Как рахат-лукум. Услада слабых. Музыка такая же, без задора. Все трюки циркачи — известные. А главное действо, ради которого все и собрались, всё никак не начиналось.

Богуслав больше по сторонам глядел, чем на арену. Судя по нарядам, публика собралась не бедная. Хотя насчет калифа правоверных, захаживающего сюда тайком, Шамсаддин, скорее всего, приврал. Есть у здешних такая байка: мол, бродит повелитель правоверных по столице, как простой человек, и ищет приключений на царствен-

ные ягодицы. А заодно выявляет несправедливости и нарушения шариата. Хотя то, что тут происходит, и есть нарушение шариата. Аллах правоверным азартные игры запретил. Но официально здесь не играют. Это не ставки, а подарки. За которые потом отдариваются или нет. В зависимости от результата поединка.

Распускать слухи о том, что халиф багдадский втайне бродит по столице — неплохая идея политической точки зрения. Но Богуслав очень сомневался в ее правдивости.

Калифа Богуслав видел один раз. Аудиенция обошлась в пуд золота, но дело того стоило. Окупилось сторицей.

Искателем народных приключений калиф Богуславу не показался. И возраст не тот, и комплекция. Приврал торговый партнер. А вот в готовности Шамсадина угождать можно было не сомневаться. Барыши на привозимых Богуславом товарах Шамсадин получал гигантские. Сам Богуслав тоже, понятно, в убытке не оставался, но если таких, как Шамсадин, он мог набрать мешок на полнамисмы, то для Шамсадина Богуслав был уникален. Потому что ни один купец из неверных не имел таких льгот и таможенных скидок. У любого другого три четверти товара по дороге забрали бы. Это только по закону, а какой может быть закон в отношении гяура? Да никакого. Могли и все забрать. И жизнь тоже.

Но не у Богуслава. Ну какой стражник осмелится взять лишнее у «друга калифа»? И какой разбойник осмелится напасть на караван Богуслава? Только совсем-совсем глупый. И если ему посчастливится выжить, то разбойничать дальше — вряд ли. Разве что — в банде нищих калек, которыми полнятся площади халифата.

Богуслав пришел сюда из вежливости. Шамсадин искренне хотел порадовать. Отказаться — обидеть.

Ну вот, сейчас начнется. Зрители оживились, заерзали на подушках.

Наблюдать, как здешние гладиаторы будут не слишком умело убивать друг друга — невеликое развлечение

для воина. Вот в Константинополе, там — да. Там на таких представлениях для узкого круга весьма ловкие бойцы встречались.

Арена была невелика: шагов двадцать в ширину и чуть больше в длину. Освещена как следует — факелов устроители не пожалели.

Ну, поглядим.

А вот и бойцы. Богуслав устроился поудобнее, взял чашу с приторно-сладким пойлом, пригубил, поставил обратно. Эх, винца бы ромейского!

Заправлял на арене горластый толстяк, разодевшийся почище фазана. Раб, не мусульманин. А так всё традиционно. Объявление бойцов, приглашение делать ставки.

Бойцы, полуголые мясистые, с бритыми головами, поднимали руки, играли мускулами...

— Ставь на Сокрушителя! — склонился к Богуславу Шамсаддин. — Он в прошлый раз соперника до смерти задушил!

Ну да, этот может. Ростом с Богуслава, но весом пуда на три поболе. Хотя его противник тоже — не вдруг обхватишь.

Сошлись. Богуславу их поединок напомнил кое-что, виденное на севере. Тюленьи бои. Такие же жирные гладкие тела и «кто кого перетолкает».

Перетолкал Сокрушитель. Как-то так ухитрился схватить соперника за кушак и грохнуть оземь. Встать не дал: прыгнул двумя ногами на живот противника и заплясал. Противник не отбивался, только туша подергивалась. Сомлел. А может, и помер.

Четверо служек выволокли его с арены. Победитель получил приз — сколько-то там дирхемов¹.

Следующая пара...

---

¹ Напомню, что дирхем — серебряная монета, средний вес которой — чуть больше 3 граммов. Есть мнение, что ее еще называли ногатой. Не уверен, но то, что в описываемое время дирхем был ходовой монетой и на Руси, и в Скандинавии — исторический факт.

Богуслав задумался о своем...

Очнулся, когда толпа взревела. Один «тюлень» опрокинул другого и лупил локтем по морде. Опрокинутый вяло отбивался. Недолго.

Пока выволакивали неудачника, на арену выскочили скоморохи. Принялись изображать недавний поединок. Смешно. Однако победитель осерчал. Кинулся на них. Скоморохи прыснули в стороны. Не поймал.

Третья пара... То же колыхание сальных туш.

Богуславу стало совсем скучно.

Толстяк-распорядитель завопил еще пронзительнее. Богуслав глянул: на арене уже не два бойца, а один.

Ага! Добровольцев выкликает. Сразиться с победителем за вознаграждение. Сейчас на арену вылезет подсадной... Самому, что ли, выйти? Богуслав не сомневался, что победит. Слава невелика, вознаграждение и вовсе ни к чему, но хоть размяться...

Пока раздумывал, кандидат нашелся.

Смуглый, худой, не первой молодости.

— Кто такой? — спросил Богуслав у Шамсадина. Тот шевельнул пухлыми плечами: не ведаю, но уточнил все же: — Наряд у него синдский.

Доброволец встряхнул руками, покрутил головой. Он был раза в два легче противника и на голову ниже.

— Дурак, — сказал Шамсадин презрительно. — Или заплатили ему много. Сокрушитель его убьет. Поставить за тебя на Сокрушителя, любезный моему сердцу друг?

— Поставить, — кивнул Богуслав. — Полторы сотни дирхемов. На его противника.

— Уверен, мой дорогой господин?

Шамсадин — жаден, а сумма солидная. Опасается, что в случае проигрыша этих денег ему от Богуслава не видать. Это все равно, что предложить полезному человеку выбрать в подарок какую-нибудь безделицу, а человек вместо серебряной заколки на плащ покажет на саблю дамасской работы.